

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 821.161.1.09-3 [Епифаний Премудрый+Лесков]

НЕТ ДЕЛА БЕЗ РИСКА: О ДЕЯНИЯХ ПРОПОВЕДНИКОВ ХРИСТИАНСТВА В ТВОРЧЕСТВЕ ЕПИФАНИЯ ПРЕМУДРОГО И НИКОЛАЯ ЛЕСКОВА («Житие Стефана Пермского» и «На краю света»)

Г. Ф. Самосюк

Саратовский государственный университет
E-mail: kirlif@info.sgu.ru

Статья посвящена анализу категории духовного и физического «риска» в произведениях русских писателей разных эпох – от средневекового жития до повести XIX в. Объединяет их анализ внутреннего состояния и внешних опасностей, ожидающих проповедников христианской веры среди язычников.

Ключевые слова: Епифаний Премудрый, Н. С. Лесков, жития святых, риск, проповедники христианства, язычники.

Nothing Ventured Nothing Gained: on the Acts of Christian Missionaries in the Works by Epiphanius the Wise and Nikolai Leskov («The Life of Stephan of Perm» and «On the Edge of the World»)

G. F. Samosyuk

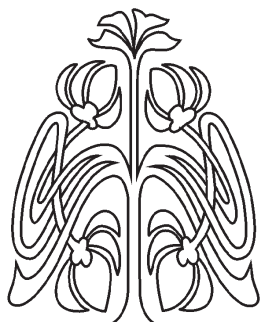
The article is dedicated to the analysis of the category of spiritual and physical «risk» in the works of the Russian writers of different epochs – from the medieval «life» to the XIXth century novel. They are united by the analysis of the inner state and outward dangers awaiting the missionaries of the Christian faith among pagans.

Key words: Epiphanius the Wise, N. S. Leskov, lives of saints, risk, Christian missionaries, pagans.

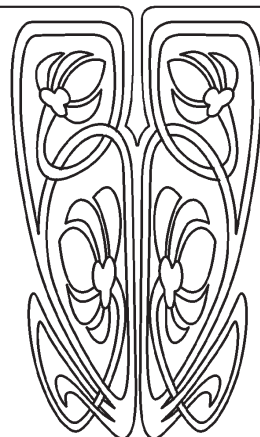
Пять столетий отделяют «Житие Стефана Пермского» от рассказа «На краю света». Правомерно ли сопоставление произведений таких далеких эпох, к тому же принадлежащих к несходным идеологическим направлениям их авторов, к разным жанрам?

И хотя Н. Лескова и Епифания Премудрого волновала, по сути дела, одна и та же проблема – миссионерство и связанный с ним очень непростой, нередко драматический процесс обращения язычников в христиан и те нравственно-психологические препятствия, которые возникали как в сознании проповедников, так и в душах новообращённых, цели и ситуативные обстоятельства у писателей были совершенно различными. Епифаний намеревался «написать и похвалить доблестного Стефана, проповедника и учителя вере пермяков, апостолов наследника»¹. Лесков, также обратившийся к задаче рассказать о приобщении язычников к христианству, уделил пристальное внимание ошибочности выбранными некоторыми проповедниками путей насильственного отторжения «дикарей» от вековых верований, предложив читателю совершенно особую ситуацию, когда два человека (один – христианин, другой – язычник) повели себя в драматических условиях не так, как следовало бы ожидать: язычник поступил самоотверженно, спасая миссионера во время страшной метели в степи, а христиан, сопровождавший другого проповедника, в критический момент оставил его одного, забрав пропитание, и тем самым обрек его на верную смерть, мучительную и страшную.

Но главное, что роднит «Житие Стефана Пермского» и «На краю света», – это идея риска в осуществлении большого дела.

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Из всех определений, которые дал понятию «риск» В. Даль, самым точным применительно к описываемым в сочинениях ситуациям является «решимость» и «предприимчивость». Несколько более широкое, но тоже точное содержание вложено им в глагол «рисковать»: «отважиться», «подвергаться случайностям», «действовать предприимчиво» и «смело, надеясь на счастье». И, наконец, еще более значимая для нас расшифровка понятия «рисковать»: подвергаться известной опасности, «неудаче»².

Вернемся к XIV веку. Такое явление, как миссионерство, поощрялось христианской церковью, так как в результате умножалось число поборников христианской веры, а церковь «завоевывала» новые народы и отдаленные территории, как оказалось в случае с коми-пермяками, к которым пришел Стефан.

Стефан долго и тщательно готовил себя к будущей миссионерской деятельности. Прежде чем стать «учителем» пермяков, чтобы «просветить» их, он сам изучил язык коми, потом уже «сложил» пермскую грамоту, «сочинил» «азбуку, ранее неизвестную, пермского языка» и «книги русские на пермский язык перевёл, и переложил, и переписал». Кроме того, он изучил и «греческую грамоту, и книги греческие» (199). Мысль («помысел») идти в Пермскую землю и «учить пермяков», «людей некрещеных, обращать неверных <...> и приводить их ко Христу богу в веру христианскую» (199) стала основной в его жизни.

Как пишет Епифаний, Стефан «слышал» о Пермской земле, что «живут в ней идолослужители», «постоянно приносившие в жертвы бездушным кумирам, и бесам они молились, опутанные волхованием, веровали в бесов и чары, и колдовство» (199). И мечта обратить язычников в христиан становилась всё настойчивее.

Уже реализация этой задачи «преподобным» несла в себе не только трудности, но и определенные опасности и разного рода превратности. То есть это было достаточно рискованное дело и даже опасное, так как целый народ, вдохновляемый шаманами, мог подняться против самых, казалось бы, благородных намерений.

Но, видимо, памятуя пословицу «не рискуя – не добудешь», Стефан «скорбел» только о том, как бы их (зырян) «вырвать из руки вражей» (199). Для этого потребовалось и знание мест расселения «иноплеменников, живущих вокруг Перми» (а это были и зыряне, и гайяне, и вятчане, и лопари, и корелы, югры, печеры, самоеды и др.), – народов, населяющих огромное пространство, со своими обычаями, обрядами, психологическими особенностями и нормами поведения.

Все земли по рекам Вычегда, Вымь, Двина, Вятка, Кама, впадающая в Волгу, заселялись теми народами, которые, по характеристике Епифания Премудрого, не были «научены» «вере христианской»; «ни от кого не <...> слышали слова, кто бы им проповедал Господа нашего Иисуса Христа»,

так как «не заходили к ним ни апостолы, ни учителя, ни проповедники, никто им не благовестил слова Божьего» (200). Следовательно, выбор нового «благого пути» и «доброе проповедничество», несомненно, был сопряжен с риском.

И действительно, прибыв в Пермскую землю, Стефан «много зла претерпел от неверных пермяков некрещеных: озлобление, ропот, поругание, хулу, укоры, уничтожение, досаждения, поношение, пакости, а иногда и угрозы» (200). Но Стефан не отступил даже тогда, когда ему угрожали смертью («даже убить хотели, обступали его с двух сторон и кругом с дубинами и с длинными жердями, нанесети смертельные удары хотя <...>, хотели по воле своей сжечь раба Божия» (200–201). Такое агрессивное поведение повторялось не однажды, и писатель, чтобы усилить драматизм ситуаций и передать собственное эмоциональное напряжение и восхищение силой духа проповедника, прибегал к мастерскому «плетению словес», добиваясь этим и воссоздания реальной опасности для жизни Стефана, которой он, однако, пренебрегал ради осуществления своей идеи. Епифаний создает даже картину реальной угрозы: как-то пришли к Стефану «множество пермяков, неверных и некрещеных, с намерением убить его устремились и стали нападать на него с яростью, гневом и воплями <...>, все ополчились на него единодушно <...>, напрягли луки свои и, сильно натянув их, направили против него вместе со стрелами смертоносными <...>, и иной смерти предать его хотели» (201). Реакция Стефана и не могла быть иной, если человек сознательно шёл на реализацию своей заветной мысли, дела всей жизни: «Божий же страстотерпец (подчёркнуто нами. – Г. С.) нисколько не убоился нападающих и утрашенных борющихся против него ...» (201).

Явно рисковал он и тогда, когда «божией силой главную их кумирницу зажёл и пламенем запалил», но после этого «не скрылся и не ушёл никуда», «ожидая грядущих против него» (201). И толпа яростных и гневных язычников, «словно звери дикие», устремилась на него – кто с дрекольем, кто с топорами, кто с секирами. Любопытна авторская оценка подобной ситуации и поведения героя жития: «И выглядел он среди них, будто овца среди волков», но он «не ссорился, не боролся», а лишь «слово Божие с кротостию проповедовал им и учил вере Христовой, наставляя их во всякой добродетели» (202). В результате молитвы: «Владыка, в руки твои предаю тебе дух мой», – Стефан остался жив: «Сохранен был и невредим остался» (202). Эта молитва и для автора, и для героя оказалась последним средством воздействия на иноверцев, которые «креститься обещались <...> и, утихомирившись, мирно беседовали» (202), иные же позже приходили на «словопрения». Д. С. Лихачев первый подметил, что очень важным в этом (и других подобных житиях) является «то отношение к подвигу (а именно так называет исследователь поведение Стефана, со-

пряженное с риском! – Г. С.), которое выражает автор, эмоциональная характеристика подвига, всегда повышенная, как бы преувеличенная, и вместе с тем абстрактная»³.

Психологическая непоследовательность в проявлении поступков, характерная для житий XIV–XV вв., окажется преодоленным литературным приёмом в XIX в., в частности, в рассказе Н. Лескова «На краю света», в котором тоже немало сложнейших (драматических и даже трагических) психологических ситуаций, сопряженных с опасностью. Но они приобретают, как увидим, реалистические обоснования, будет видна внутренняя логика поступков и миссионеров, и людей иной веры.

Вернемся к событиям «Жития Стефана Пермского» и к поведению и поступкам героя. Все страдания, мучения, страхи, опасности Стефан пережил ради идеи, не гневаясь на пермяков-язычников за их стремление «отклонить веру христианскую». Он, «алкая и жаждающая спасения пермских людей», «не гневался на них, не оскорблялся, не роптал, не был ни малодушным, ни злопамятливым» (204).

Несомненно, его деяния были связаны с большим риском: он мог погибнуть, и наставляя язычников словом, и прибегая к самым крутым мерам. Пермяки даже «дивились сильно»: как он, идолов разбивая, сам остается «цел и невредим <...>, и чары бесовские не причиняют ему беды и никакого зла <...>?» (206).

После «словопрений» с волхвом Памом, «люто» ненавидевшим своего «врага», преподобный предложил ему два испытания: одно – войти вместе в огонь и пройти сквозь него («Войдем же вместе, взявшись за руки <...>. Волхв же не пошёл: утрашился он шума огненного, пришел в ужас ...»). И так трижды «призывал» его. «Волхв же поверг себя на землю и бил челом, припадая к стопам Стефана, признавая вину свою и немощь свою, суетность и обман свой избличая». Стоящие вокруг люди также понуждали Паму пройти через «огромное пламя горящее», но тщетно (214–215).

Второе же испытание сводилось к тому, чтобы вместе пройти подо льдом от одной проруби к другой. Риск? Несомненно, риск и для Стефана. Но «чародейный волхв» и «здесь был побежден и осрамился» (215). На упреки верных ему совсем недавно людей в «немощи» и «зловерии» Пам отвечал: «Превзошел меня в ведовстве Стефан», «одолел, осрамил», «и ныне что сделаю или куда убегу, не знаю», «покрыл стыд лицо мое», «стыд лица моего покрыл меня» (216).

Пам, отказавшись от испытаний, тоже подверг себя риску, так как толпа, уличив его в «зловерии», приговорила его к казни: «должен он умереть». Но вера его оказалась сильнее страха смерти, и только повеление Стефана отпустить волхва спасло ему жизнь (он «выскочил от них, словно олень, и побежал») (217).

После таких испытаний («искушений») вер, стоивших, как мы видели, и кудеснику Паму, и преподобному Стефану огромных усилий воли, внутренней борьбы желаний и возможностей, чародей вынужден был признать себя побежденным, но креститься отказался.

Думается, что, создавая ситуации риска, возможной гибели обоих врагов, Епифаний был одним из первых писателей, который сумел раскрыть внутреннее напряжение, психологическую борьбу в душе разномыслящих людей. Но симпатии писателя, как видно из отношений к ним пермяков и из структуры диалогов Стефана и Памы, были на стороне миссионера. И сделано это так талантливо, с таким тонким знанием внутреннего мира противостоящих, что назвать его мастерство «абстрактным психологизмом» вряд ли справедливо (да простит мне это несогласие Д. С. Лихачев!). И это состояние огромной внутренней тревоги действующих лиц значительно усиливается, когда толпа видит, каким рискам подвергаются религиозные противники.

В основе лесковского произведения «На краю света» (1875–1876) лежит реальное событие из миссионерской практики иркутского (позже ярославского) архиепископа Нила (у Лескова это – «владыка», «архиерей»).

Лесков передает рассказ владыки, начало истории которого связано с тем периодом его молодости, когда он «был поставлен во епископы, в весьма отдаленную сибирскую епархию», «полудикую епархию», где ему предстояло «малоуспешное дело»⁴. Но мечта о «настоящем живом деле» очень скоро разрушилась.

Цель этого архиерея, как видим, была та же, что и Стефана, – обращение язычников в христиан. Но если Стефан имел дело с язычниками, которых он обратил в христиан, и это явление было массовым и потому трудно объяснимым, то владыке пришлось встретиться не только с уживающимися друг с другом язычниками и христианами, но и с двоеверием, очень распространенным среди кочевников и оседлых.

Новый архиерей взялся за дело очень рьяно: при маленьком монастыре задумал «основать школу для местных инородцев» и послать туда для чтения проповедей иеромонаха Кириака, одно из первых противодействий которого было нежелание «идти к диким проповедовать» (209).

Владыка решил пригласить его к себе, чтобы выяснить причины «ослушания»: «Меня <...> очень занимало, что такое отклонило Кириака от успешной миссионерской деятельности и заставило <...> почти преступно <...> относиться к <...> делу» (219).

Этот очень важный и психологически сложный разговор мог завершиться для владыки неудачей, потерей авторитета, наконец, просто поражением в споре. Однако он на него пошел сознательно, с некоторым даже риском для приобретённой уже репутации «лютого», «нетерпеливо сурового» (209).

Кириак, отказавшись от проповедей среди инородцев и их крещения, тоже рисковал, раскрывая перед владыкой свои, достаточно необычные методы общения с «диким» народом. Он полагал, что сначала их нужно просветить: «Одно водное крещение невежде к приобретению жизни вечной не служит». Будут, аргументировал он свою мысль, опираясь на Священное Писание, и «крещёные, которые услышат “не вем Вас”, и некрещёные, которые от дел совести оправдятся и внидут, яко хранившие правду и истину» (217).

В доводах Кириака справедливыми были два положения: «учить надо <их, «дикарей»>, да доброго жития пример им показывать», «с научением <к ним> идти» (219). И еще: «Что от них сразу-то многого требовать? Пусть за краек его <Христа> ризочки держатся – доброту его чувствуют, а он их сам к себе уволочёт» (244).

Раскрываясь перед владыкой относительно своей «методики» приобщения «инородцев» к христианству, Кириак, несомненно, рисковал своей репутацией, своим местом миссионера. Ему пришлось услышать упрек архиерея, что «в катехизаторы» он «совсем не годится» (224). Но когда он сообщил, что всё-таки «снарядит» его «крестить», Кириак «ужасно взволновался и расстроился»: «Да запретит тебе Христос!» (225). Этот отказ можно воспринять как риск особого рода – возможность признания бесперспективности своей службы.

Диспут разрешили особые обстоятельства, когда следовало узнать, почему миссионер-зырянин Петр «целыми массами крестит инородцев», так что у него и крестов не доставало, и он «с одного на другого на шею перевешивал» (227).

Владыка принял весьма рискованное во всех отношениях решение: поехать в самые дальние, глухие северные места Сибири («пробежать самому пустыню» (229)), но взять с собой отца Кириака, который хорошо знал «инородческий язык».

Когда пришло время ехать на собаках, Кириак дал ему в качестве проводника некрещёного местного погонщика. Попытка владыки убедить своего спутника и проводника в необходимости креститься ни к чему не привела, хотя разговор с ним потребовал большого психологического напряжения.

Путь был нечеловечески труден. Владыка занулся в сани, а когда проснулся, не мог открыть глаз – веки смёрзлись... Страшная картина предстала перед ним. «Я не знаю, – вспоминал он много лет спустя, – может ли быть страшнее в аду: вокруг мгла была непроницаемая, непроглядная темь – и вся она была как живая: она тряслась и дрожала, как чудовище, – сплошная масса льдистой пыли было его тело, останавливающий жизнь холод – его дыхание. Да, это была смерть в одном из самых грозных своих явлений, и встретясь с ней лицом к лицу, я ужаснулся» (241).

Если в «Житии Стефана Пермского» риск был сопряжен с угрозами и враждебными действиями

пермяков-зырян, ослепленных шаманом в его ненависти к проповеднику христианства, то здесь северная тундра заставила миссионера первый раз сознательно воспринять весь ужас ситуации («кругом ад тёмный и кромешный» (С. 241)). Ледяная пыль и сильный ветер повалили и владыку, и проводника. Было невыносимо лежать неподвижно, закрывшись «вонючей оленьей шкурой», под которой приходилось смиряться со страшным зловонием, исходившим и от «острого человеческого пота», и от «сырой гнили», и от рыбьего жира, и, наконец, от «зловония» желудка и усиленного дыхания, которым дикарь пытался согреть и спасти своего спутника («ты, бачка, вот сюда клади морду, вместе дуть будем – тепло станет» (242)).

Архиереем овладело отчаяние. Он понял, что если и не задохнется, то умрет от голода и жажды – «самой мучительной из всех смертей» (244). Но это было только начало страданий...

«Дикарь» несколько раз уходил, отыскивая какие-нибудь признаки жилья, возвращался, пока не решил встать на лыжи, оставив «бачку» одного, чтобы добыть что-нибудь «лопать». Владыку даже заподозрил его в самом дурном намерении – бросить его: «Я остался один-одинёшенек среди снега, холода и совсем уже изнурившего меня мучительного голода» (252).

Прошел еще день. К голоду и жестокому холоду прибавилось новое испытание – пришла стая волков, от которых проповедник спасся на дереве, проведя на нем всю ночь.

Язычник вернулся через сутки, принес с собой медвежью ляжку, которую он взял в юрте, оставив взамен свой «треух», чтобы «хозяин, который сверху смотрит», то есть Христос, не думал о нем худо. Вот оно, двоеверие...

Владыку волновал вопрос о «загадочном странствии» «в этой ужасной пустыне» человека, в котором оказался воплощённым «чистый, высокий дух».

И хотя этот проводник официально не принял христианство, он в нравственном, человеческом отношении выше другого, крещёного проводника, бросившего в снежной пустыне Кириака и укравшего еду и питьё.

«Дикарь» в конце концов довел архиерея до чума, где уже лежал умирающий отец Кириак, просивший владыку простить человека, совершившего зло и не ведавшего, что творил.

Владыка понял, что он был не прав, наставая на насильственном приобщении сибиряков-язычников к христианской вере. Нужно дорожить «воссоединением» человека с тем «хозяином, который сверху смотрит» (258), – вспомнил он теперь слова своего проводника. Вспомнил он и аргумент Кириака, что нельзя силой или поспешным решением превратить язычника в сторонника Христа, потому что он имеет его пока «за пазушкой», но, как следует из поведения «дикаря», уже может быть сострадательным. Недаром своего сопровод-

ждающего, совершившего, не думая об этом, подвиг человеколюбия, владыка сравнивает теперь со «сказочным богатырем», с «пустынным ангелом» (259, 261). Только решившись на необычайно рискованное, но необходимое «путешествие» и совершив его по безбрежной снежной пустыне, герой Лескова многое осознал и понял.

Читатель вместе с рассказчиком, пережив разные психологические состояния, пришел к выводу, что риск может иметь не только трагический финал, но и позитивный, делая человека нравственно значительно чище и объективнее

Но если Стефан абсолютно добровольно избрал путь «просвещения» зряя, долго и упорно готовя себя к этому «подвигу», то владыка отправился на очень рискованное предприятие скорее по долгу службы. Заметим при этом, что и в том и в другом случае это было не проявлением фанатизма, а «осознанной необходимостью», вылившейся в особую рода подвиг.

В рассказе Лескова обозначается еще один аспект проблемы, отсутствующий по ряду причин

в «Житии Стефана Пермского»: только жизненный опыт, о котором перед смертью говорит отец Кириак, может свести риск к минимуму. И тот же опыт приобретается через риск.

Примечания

- 1 Древнерусские предания XI–XVI вв. / сост., вступ. ст. и коммент. В. В. Кускова ; подгот. древнерус. текста и пер. В. В. Кускова, В. А. Грихина, Г. Ю. Филипповского. М., 1982. С. 96. В дальнейшем ссылки в тексте даются на это издание с указанием страницы в скобках.
- 2 *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. М., 1955. Т. 4. С. 96.
- 3 *Лихачев Д.* Человек в литературе Древней Руси. М. ; Л., 1958. С. 86.
- 4 *Лесков Н.* Собр. соч. : в 6 т. М., 1973. Т. 3. С. 205. Далее ссылки в тексте даются на это издание с указанием страницы в скобках. Реальный прототип, «высокопреосвященный Нил», служил епископом в Иркутске с конца 1830-х по начало 1850-х гг.

УДК 821.133.1.09-312.6+929 Бюсси-Рабютен

ДВЕ МОДЕЛИ ГАЛАНТНОСТИ В «МЕМУАРАХ» БЮССИ-РАБЮТЕНА

С. Ю. Павлова

Саратовский государственный университет
E-mail: pavlovasy@info.sgu.ru

В статье рассматривается отражение специфического для французской культуры XVII в. феномена галантности в «Мемуарах» Бюсси-Рабютена, одного из блестящих представителей этой эпохи.

Ключевые слова: французская литература XVII в., мемуары, галантность, статус аристократии, мемуарно-автобиографические жанры.

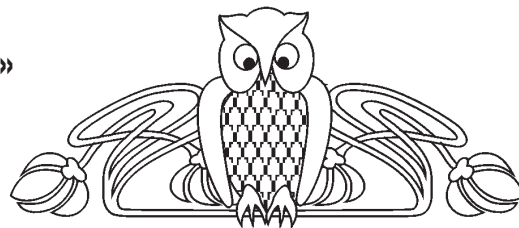
Two Models of Gallantry in Bussy-Rabutin's «Les Mémoires»

S. Yu. Pavlova

The article regards the reflection of XVIIth century French culture specific phenomenon of gallantry in the «Les Mémoires» by Bussy-Rabutin, one of the brilliant representatives of the epoch.

Key words: XVIIth century French literature, memoirs, gallantry, status of aristocracy, memoir and autobiography genres.

Одним из ярких представителей XVII в., который французы называют «великим» или «классическим», можно считать Роже де Рабютена графа де Бюсси (1618–1693). Он был потомком знатного рода, обладал всеми качествами истинного аристократа, но в силу особенностей своего поведения вынужден был рано закончить военную карьеру и пребывать вдали от королевского двора. Находясь

в изгнании, Бюсси-Рабютен описал свою жизнь в «Мемуарах» (1696), отразивших героические взлеты и трагические падения, блестящие перспективы и несбывшиеся надежды, либертинаж и галантность, столь характерные для судьбы аристократа эпохи Людовика Великого.

Расцвет абсолютизма во Франции второй половины XVII в. был ознаменован изменением положения родовой аристократии¹. Ее пошатнувшееся политическое влияние на короля привело к необходимости поиска новых привилегий. Стремясь сохранить статус элиты общества в противовес новоявленному дворянству выходцев из чиновничьего сословия и нарождающейся буржуазии, представители благородных семей сделали ставку на присущий им уровень культуры и образованности, который достигался годами напряженных занятий и каждодневной муштры. Новым устремлениям знати соответствовала галантная модель поведения, распространившаяся в Париже после окончания Фронды. Мода на галантность пришла в светское общество из литературных источников, принадлежавших перу отнюдь не родовитых вельмож². Более того, она изначально базировалась на «индивидуальных качествах и не зависела от социального происхождения»³. Однако именно аристократы в силу своего воспитания и об-